

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

10.7256/2306-434X.2013.01.1

ВСЕПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация.** Последовательную универсальную картину мира в известном смысле можно представить и без человека. Новейшие научные открытия, казалось бы, подталкивают к такому решению. Рождается специфическая парадигма, внутри которой приоритетную роль играют такие понятия, как «мыслящий океан», «информационное поле космоса» и т.д. Исследовательские разыскания такого рода направлены против антропоцентрического видения мироздания. Но девальвация философско-антропологической темы обнаруживает себя не только в утверждении новых объектов исследования, замещающих человека. В статье критически осмысливается логика так называемого нового натурализма.*

***Ключевые слова:** педагогика, философия, человек, универсум, психокосмос человека, дух, интуиция, наука, религия, всепонимание.*

Обостренным вариантом подобных версий можно считать современные космологические концепции, в которых «человек», а то и «жизнь» в целом рассматриваются как этап, своеобразное звено в развертывании космической эволюции. Речь, стало быть, идет о «преодолении человека», предустановленном растворении его в иной, более значимой сущности. Такой ход мысли, само собой понятно, устраняет антропологическую тему как предельно значимую. Напротив, рождается иллюзия, будто исследователь возвышается над антропоцентрической установкой.

С философской точки зрения, обойти человека в теоретическом постижении универсума все-таки не удастся. Какое место ему бы ни отводилось, он все равно нуждается в истолковании. Все многообразие современных философско-антропологических течений группируются вокруг двух полюсов — человек рассматривается либо как животное, либо как социальное создание, которое возвысилось над природным царством благодаря именно общественным формам бытия. Видный американский ученый Стивен Пинкер по праву может считаться лидером так называемого нового натурализма. Это направление мысли сложилось благодаря новейшим открытиям в изучении мозга, расшифровке генома, клонированию и другим исследованиям. Пинкер резко критикует социологическую традицию в изучении человека. Он называет эту традицию теорией «чистого листа».

Пинкер отмечает, что после работ английского философа Джона Милля сложилось ошибочное убеждение в том, что человека формирует социум. Новорож-

денный индивид представляет собой «чистый лист», на котором можно рисовать любые письмена. Получается, будто нас полностью формирует культура и окружающая социальная среда. Но, по убеждению Пинкера, это глубочайшее заблуждение. Оно было поддержано в свое время многочисленными работами бихевиористов. Их лидер Джон Уотсон, не имея никаких оснований, кичливо заявлял, что если бы ему предоставили возможность воспитывать 12 здоровых младенцев, он мог бы вырастить каждого из них по особому проекту, выпустив в социум вора, аристократа, попрошайку или политика. Пинкеру кажется, что все социальные феномены можно объяснить через тайны человеческого разума, через генетический код. Эти явления он рассматривает как простой рефлекс биологической природы человека. Его формула: «генетика — это все, культура — ничто». Он настолько укоренен в этой позиции, что удивляется, почему очевидное не принимается научной общественностью. В итоге он сообщает, что так же, как в эпоху викторианской этики было наложено табу на сексуальность, на публичное обсуждение вопросов секса, сегодня не хотят признать диктат человеческой животности. Вероятно, уточняет он, сомнение в социальной природе человека чревато угрозами: политики и исследователи боятся, что такой ход мысли приведет к возможной утрате манипулирования ценностными ориентациями людей. Возможен социальный хаос. Поэтому социологи и толкуют о первенстве социальности в расшифровке человеческой природы.

Новый натурализм, естественно, направлен против классической философской антропологии. Огромным завоеванием этой области знания является пред-

ставление о том, что человек является особым родом сущего. Аналогов ему нет в природе. Но если поведение людей регулируется только структурой мозга и ею же полностью обуславливается, то принципиальные отличия человека от животного искать бессмысленно. У человека в процессе эволюции появилась речь, а у слона — хобот. Эти приобретения равноценны.

Пинкер приводит экспериментальные данные, будто бы окончательно подтверждающие правоту его концепции. Однайцевые близнецы полностью, пишет он, повторяют социальные привычки и предпочтения друг друга. Однако он игнорирует примеры, тоже подтвержденные экспериментально, что культура накладывает свой отпечаток даже в этом случае, когда, казалось бы, все предопределено генетикой. С другой стороны, нет оснований отрицать зависимость психических реакций от биологии человека. Но возникает вопрос: как реализуется эта зависимость? Выражается ли она в виде простого рефлекса, чуть ли не автоматически, или имеет опосредованную природу, определяющую сложность человеческого поведения?

Еще одна сторона вопроса состоит в том, что познание универсума осуществляется через человека. Его можно рассматривать по-разному, как познающего субъекта, как медиума, как своеобразную мембрану. Однако во всех этих вариантах человек сохраняет свой статус крайне интересного и важного объекта постижения.

Что такое человек? Можно ли считать его уникальным созданием на Земле? Почему в отличие от других природных существ он наделен «всепониманием»? Какова природа человека? Что определяет суверенность его духа? В чем драма человеческих отношений и человеческого существования? От чего зависят смысл и ценность человеческой жизни? Подобного рода вопросы приобрели сегодня особую актуальность в связи с так называемым антропологическим поворотом в философии.

В современных постижениях человека что ни открытие — сенсация, или чуть скромнее, нетривиальный взгляд на живое, мыслящее создание. Вот, допустим, если взять «большую энциклопедию» ДНК, которая описывает организм человека и изменить только одну специфическую букву из каждых ста, то получим копию обезьяны. Генетически человек мало, чем отличается от приматов. Но в этот скромный зазор уместился разум, искусство, культура в целом.

Можно сослаться также на современные интуиции о космопланетарном характере живой природы. Попытаться проникнуть в психокосмос человека. Проследить, сколь по-разному воспринимается время в разных культурах. Вникнуть в феномен смерти как проблему

человеческого бытия. Ведь само существование мыслимо только в сопоставлении с небытием.

Однако при этом принципиально новый архетип человека не складывается. Не потому, что многое узнаваемо. Известно из древнейших мистических прозрений. Напоминает классические философские постижения. Наконец, сопряжено с новейшими открытиями в области физики, биологии, психологии. Суть в другом — образ человека переменчив. Ему не дано отлиться в окончательную форму, установиться. Человек — не интеграл, а, как уже было сказано, особый род сущего.

Казалось бы, чего проще — собрать все сведения о человеке, которые накоплены в русле философии, естествознания, религии, мифологии, и выработать окончательное, синтезированное знание о человеке. Однако такого рода попытки в истории Европы за последние два столетия наталкивались на непреодолимые трудности. Будучи частью природы, человек в определенной степени возвышается над ней. Следовательно, рассуждать о человеке можно как в рамках естествознания, так и в ракурсе гуманитарного знания, прежде всего философии. Здесь сразу возникает еще одна проблема — сопоставимости различных типов знания, которая разносторонне обсуждалась на XVIII Всемирном философском конгрессе. Он проходил в 1988 г. в Великобритании и был специально посвящен феномену человека.

Тема двух моделей познания неплохо была описана в свое время отечественным философом и культурологом Г. Померанцем. Он писал о том, что в древней философии обе модели выступают как различные системы, учения: с одной стороны, поэтический парадоксализм Гераклита и Лаоцзы; с другой — рассудочные конструкции (атомизм, формальная логика). Характерно, что в Индии логики и атомисты сливались в одну школу — Ньяя-Вайшешика. Первая модель заметнее в древнейшей философии, но впоследствии побеждает вторая. Гераклит и Лаоцзы были аутсайдерами, восставшими против еще не вполне сложившейся, но уже достаточно сильной и ощутимой рационалистической тенденции. Это были попытки вернуть философию к пути, по которому она шла, — от Фалеса к Аристотелю, от Конфуция к Сюньцзы. Сама форма мысли Гераклита или Лаоцзы полемична и предполагает предмет полемики — философию здравого смысла. Характерные приемы Гераклита и Лаоцзы — отказ от положительного определения или внутренне противоречивое определение, сознательное «шиворот-навыворот» здравого смысла¹. По

¹ Померанц Григорий. Выход из транс. М., 2010. С. 43.

мнению Г. Померанца, обе модели существуют рядом друг с другом. Ни одну из них нельзя назвать старшей, нельзя упразднить. То одна берет верх, то другая оказывается влиятельнее.

Проблема междисциплинарного постижения человека ставит, прежде всего, общий вопрос — о специфике философского и научного истолкования человека. В XIX в. позитивистская философия выдвинула идею о том, что философия уже завершила свою традиционную миссию и должна уступить место науке. Оппоненты этого воззрения нередко готовы были допустить, что претензии на полноту знаний о природе следует признать за наукой, но в то же время отстаивали точку зрения, согласно которой подлинным предметом философии является человек.

Известно, что начало современной науке положил Галилей. Именно в его трудах она предстала как новый способ познания природных феноменов. С этого времени методы и концептуальные средства, применяемые наукой, радикально разошлись с философией, родом особого мышления. С другой стороны, в рамках самой философии произошла очевидная специализация исследований. Впечатляющие успехи были получены в теории познания, этике, политической философии, философии истории, образования, религии, т.е. в тех сферах, которые непосредственно связаны с деятельностью человека.

Классическим выражением этой дихотомии, возможно, стало картезианское разграничение (а не только отличие) *res cogitans*, т.е. мыслящее, и *res extensa*, т.е. протяженное. Первое — сфера компетенции философии, второе — область математического естествознания. С этой точки зрения, когда мы говорим конкретно о человеке, это разделение может быть выражено утверждением о том, что тело человека относится к природе и потому может рассматриваться

как механизм, тогда как «истинный человек» остается в ведении философии (Декарт утверждал: «Я — это совсем не то же самое, что мое тело»). Философия, стало быть, предоставила науке изучение природы, но сохранила за собой изучение человека.

Однако нужен ли современной науке чисто философский ракурс? М. Элиаде отмечал: «С чисто позитивистской точки зрения человек — самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука действительно не нашла ему места. Физике удалось временно очертить миратома. Биология сумела навести некоторый порядок в конструкциях жизни. Опираясь на физику и биологию, антропология в свою очередь кое-как объясняет структуру человеческого тела и механизмы его физиологии. Но полученный при объединении всех этих черт портрет явно не соответствует действительности»².

Итак, человек как объект междисциплинарного изучения не ухватывается наличным комплексом знаний. Он являет собой тайну. Человек — уникальное творение Вселенной. Он неизъясним, загадочен. Ни современная наука, ни философия, ни религия не могут в полной мере раскрыть его секрет.

Выходит, проще исключить человека из радиуса философского знания? Ни в коей мере. Философия, как известно, обращается к непреходящим ценностям и вопросам, постигает предельные основания бытия. Тайна человека, несомненно, принадлежит к кругу вечных проблем. Это означает, что любовь к мудрости, по-видимому, неразрывно связана с распознаванием загадки мыслящего существа. В разные эпохи мистика, религия, мифология и наука претендовали на постижение человека. Как обеспечить синтез накопленных знаний? Кто возьмет на себя функцию интегратора подходов и сведений? Возможно, педагогическая антропология?

Список литературы:

1. Блюменфельд Л.А. Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики. М., 2002.
2. Гуревич П.С. Философское истолкование человека. М., 2012.
3. Померанц Григорий. Выход из трансa. М., 2010.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2002.
5. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Зенкина. М., 2010.

References (transliteration):

1. Blyumenfel'd L.A. Reshaemye i nerashaemye problemy biologicheskoy fiziki. M., 2002.
2. Gurevich P.S. Filosofskoe istolkovanie cheloveka. M., 2012.
3. Pomerants Grigoriy. Vykход iz transa. M., 2010.
4. Teuyar de Sharden P. Fenomen cheloveka. M., 2002.
5. Sheffer Zh.-M. Konets chelovecheskoy iskl'yuchitel'nosti / per. s fr. S. Zenkina. M., 2010.

² Цит. по: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2002. С. 135.